Вч клуб - 2000 - 6 нед - 05

ЗАКЛИНАТЕЛЬ ЗМЕЙ

МХАТ под руководством Олега Табакова начал новый сезон с премьеры спектакля Олега Ефремова

Свой новый сезон МХАТ имени Чехова начал в день рождения Ефремова. 1 Октября ему должно было исполниться 73. К этому дню специально подгадали с премьерой: «Сирано де Бержерак» — это последний спектакль Олега Николаевича, поставить который он так и не успел и потому заканчивал репетиции уже Николай Скорик. К слову сказать, Виктор Гвоздицкий, исполнитель роли Сирано, отметил свой день рождения за день до премьеры — на генеральной репетиции. Так уж совпало.

На сбор труппы в Камергерский переулок журналистов собралось множество. До этого несколько месяцев новый худрук МХАТа Олег Табаков откладывал любые интервью, ссылаясь на то, что говорить пока не о чем. «Вот начнем новый сезон, и я тогда все расскажу», — обещал он.

Впрочем, и в начале нового сезона дипломатичный Олег Павлович рассказал не очень много — ровно столько, сколько ему нужно. Рассказал о ближайших премьерах. О том, что после «Сирано» следующей премьерой станет «Венецианский антиквар» Гольдони в постановке Николая Шейко. О том, что на Новой сцене Роман Козак поставит «несовершенную пьесу» (это характеристика Олега Павловича, а не наша) Леси Украинки «Лесная песня», а Александр Марин — драму Сергея Волынца «Женщины битлов». Сам Табаков скоро сыграет Мольера в спектакле Адольфа Шапиро «Кабала святош» по пьесе Булгакова. Когда-то Мольера на сцене МХАТа, как известно, играл в паре со Смоктуновским сам Ефремов. Ефремов несколько раз убеждал Табакова вместить в старый спектакль, но тот все отказывался. Сейчас же Табаков решил, что может сыграть Мольера — правда, не в восстановленном, а в абсолютно новом спектакле.

Табаков, по его словам, не собирается устраивать революций, но несколько жестких решений он уже принял. Так, например, за штат театра выведены абсолютно все режиссеры, которых во МХАТе числилось немало. Ряд актеров уже покинул труппу, но Табаков не захотел на пресс-конференции называть их имена. Зато с удовольствием поделился, что во МХАТ приходят два моссоветовских актера — Александр Домогаров и Андрей Ильин. По слухам, сейчас ведутся переговоры и с Натальей Гундаревой.

Что касается режиссеров, то, по рассказам Табакова, уже в этом сезоне начнется сотрудничество с Петром Фоменко («Его, — сказал худрук, — когда-то выгнали из школы-студии МХАТ за хулиганство, и пора ему уже вернуться сюда на белом коне»), Камой Гинкасом и Римасом Туминасом. Среди драматургов Табаков наибольшие надежды возлагает на Евгения Гришковца с пьесой «Город». Заявление Табакова прозвучало, правда, несколько странно, поскольку «право первой ночи» на «Город» драмтруппа, по нашим сведениям, уже отдал Иосифу Райхельгаузу.

На пресс-конференции Табаков вел себя как прагматичный менеджер, чурающийся высоких слов об искусстве и предпочитающий оперировать такими категориями, как спрос, бюджет, билетные продажи и так далее. «Наша задача номер один — успех», вот главная и пока единственная прокламация нового руководителя Художественного театра. Табаков объявил репетиционную войну профсоюзу («Такого не должно быть в театре! Пусть, если хотят, занимаются чистотой, техникой безопасности, но не более того») и выразил надежду, что уже к концу сезона зарплату актерам удастся поднять вдвое. В этом ему пообещал поддержку министр культуры Михаил Швыдкой.

«Какое-то время, — объяснил Табаков, — я, конечно, буду себя ощущать во МХАТе человеком из ведомства Сергея Шойгу. Но если я уж взялся за это дело, взвалил на себя эту ношу, то, значит, буду побеждать. Когда это вы видели, чтобы я терпел поражение?». В общем, тон пресс-конференции Олега Табакова лучше всего бы определило название пьесы Шатрова, которая когда-то в позднесоветские времена шла во МХАТе — «Так победим!». Впрочем, первоначально шатровская пьеса называлась по-иному — «Вам завещаю», и эти слова в свою очередь вспоминались на следующий день после пресс-конференции. На премьере «Сирано».

Этот спектакль Олега Ефремова смотрится действительно как завещание. Курносая смерть, с которой бьется в финале Сирано, сделала свои поправки к режиссерскому замыслу и могла бы считаться соавтором этого спектакля. Ефремов хотел посвятить постановку памяти своего друга Юрия Айхенвальда, сделавшего новый перевод старой пьесы. Вышло подругому, и спектакль теперь посвящен памяти уже двоих людей.

В этом «Сирано» словно наречно сошлось все лучшее и худшее, что отличало МХАТ последних десятилетий — ефремовский МХАТ. Иногда грубость, аляповатость, местами просто откровенная фальшь. Но вместе с тем на фоне этих почти оперных страстей каким-то чудом вдруг возникают ноты пронзительные, тонкие и поэтичные. Это, видно, действует тот самый «призрак оперы» — почти исчезнувший, но все же неистребимый дух Художественного театра, о котором мы знаем больше по преданиям. Этот дух, о существовании которого твердо знал сам Ефремов.

Он хотел поставить спектакль о Сирано-поэте. О Сирано, который почти не притрагивается к шпаге, управляясь с соперником при помощи слов. Все в этом спектакле не так, как было написано Ростаном. Остроумная и живая пьеса сокращена радикально и неуклюже — с нее аккуратно счищено почти все мясо, а с тем, что осталось, актеры расправляются за два часа. Роксана (Полина Медведева) вовсе не так уж умна, отважные гвардейцы-гасконцы больше напоминают переодетых стройбатовцев, страстная любовь Кристиана (Сергей Шнырев) вызывает серьезные сомнения. Но вот выходит на сцену Виктор Гвоздицкий, и мир выстраивается согласно его слову. Этот Сирано больше походит на заклинателя змей, причем под змеями тут имеется в виду всемогущая театральная фальшь. В спектакле есть всего несколько монологов Сирано, когда замирает все на сцене и в зале. Слова, как объяснил нам в своем последнем спектакле Ефремов, — это то, что правит миром. То единственное, что имеет значение. Человек умирает, а слова остаются.

Глеб **СИТКОВСКИЙ**